

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447

EDN: LPDLOG

Научная статья / Research article

Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина в контексте общественных настроений россиян

Р.В. Савенков^{1,2} , А.К. Травянкина²

¹Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж,
Российская Федерация

²Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

 rvsav@yandex.ru

Аннотация. Паттерн раскрывает образ мышления национального лидера и транслирует аудитории определенный смысловой код. Одним из повторяющихся на протяжении многих лет в риторике Президента России Владимира Путина является паттерн существования «угрозы национальной безопасности». Цель работы — проанализировать содержание паттерна «угрозы национальной безопасности» в риторике Президента В.В. Путина, его взаимосвязь с общественными настроениями россиян и роль паттерна в российской политической системе. Применены следующие методы: риторический анализ (выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения); концептологический анализ (анализ языковых средств, объективизирующих концепт, основой которого выступает паттерн); корреляционный анализ (установление характера связи между переменными, используется при анализе опросов общественного мнения, соотнесения их со склонностью поддерживать В. Путина). Эмпирическую базу исследования составили восемь текстов выступлений Владимира Путина в период 2000–2022 гг., результаты опросов общественного мнения ВЦИОМ и результаты исследований кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Выборка текстов проведена по основанию наличия в выступлении (только президентские периоды) наиболее полного представленного паттерна «угрозы национальной безопасности», а также по основанию соблюдения хронологического шага между текстами в среднем в 3 года, чтобы получить возможность провести исследование в динамике. В результате установлено: 1. Существование угрозы национальной безопасности — повторяющийся сюжет в дискурсе В. Путина на протяжении всех сроков президентства. 2. Паттерн «угрозы национальной безопасности» претерпел изменения от угрозы внутреннего характера к преимущественно внешней. 3. Значимость угрозы в дискурсе с каждым годом повышается. 4. Устойчивой чертой общественных настроений россиян является потребность в безопасности. Анализ места В. Путина в политико-коммуникационном пространстве России позволяет обозначить его как акторно-сетевую персону, чей политический дискурс

© Савенков Р.В., Травянкина А.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

является наиболее доступным источником вычленения ценностных кодов, способных консолидировать российское общество, находящееся до 2022 г. в состоянии аномии, ценностного рассогласования между разными уровнями существующих политических ценностей. Научная новизна этой работы состоит в том, что прежде риторика В. Путина не подвергалась анализу с позиции выделения в ней паттерна «угрозы национальной безопасности» и его политико-семиотического значения, взаимосвязи с трендами изменений общественных настроений россиян, несмотря на ряд работ, посвященных формированию образа врага, аффективной риторике, дихотомии «свой/чужие» и проблемному уровню языкового кода, которые по сути своей являются частными проявлениями этого паттерна.

Ключевые слова: паттерн, угроза, национальная безопасность, В.В. Путин, Президент России

Для цитирования: Савенков Р.В., Травянкина А.К. Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина в контексте общественных настроений россиян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 436–447. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447>

The Dynamics of the «Threat to National Security» Pattern in the Russian Federation President Vladimir Putin’s Rhetoric in the Context of Public Mood of Russians

Roman V. Savenkov^{1,2} , Anna K. Travyankina²

¹Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation

²Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

 rvsav@yandex.ru

Abstract. The pattern reveals the way of thinking of the national leader and transmits a certain semantic code to the audience. One of the patterns that has been repeated over the years in the rhetoric of Russian President Vladimir Putin is the pattern of the existence of a “threat to national security.” The purpose of the paper is to analyze the content of the “threat to national security” pattern in the President Putin’s rhetoric, his relationship with the public sentiments of Russians and the role of the pattern in the Russian political system. The following methods were used: rhetorical analysis (identification of rhetorical techniques and strategies as means of effective communication and persuasion); conceptological analysis (analysis of linguistic means that objectify the concept, the basis of which is the pattern); correlation analysis (establishing the nature of the relationship between variables, used in the analysis of public opinion polls, correlating them with the propensity to support Putin). The empirical basis of the study consisted of eight texts of Vladimir Putin’s speeches in the period 2000–2022, analysis of the results of public opinion polls by WCIOM, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. The selection of texts was carried out on the basis of the presence in the speech (presidential periods only) of the most complete presented pattern of “threats to national security”, as well as on the basis of observing a chronological step between texts of an average of 3 years, in order to be able to conduct research in dynamics. As a result, it was established: 1. The existence of a threat to national security is a recurring theme in Vladimir Putin’s discourse throughout all terms of his presidency. 2. The pattern of “threats to national security” has undergone changes from a threat of an internal nature to a predominantly external one. 3. The significance of the threat in the discourse increases every year. 4. A persistent feature of Russian public sentiment

is the need for security. An analysis of Putin's place in the political and communication space of Russia allows us to designate him as an actor-network person, whose political discourse is the most accessible source of isolating value codes capable of consolidating Russian society, which until 2022 is in a state of anomie, a value mismatch between different levels of existing political values. The scientific novelty of this work lies in the fact that Putin's rhetoric has not previously been analyzed from the standpoint of identifying in it the pattern of "threat to national security" and its political-semiotic significance, relationship with trends in changes in the public mood of Russians, despite a number of works devoted to the formation the image of the enemy, affective rhetoric, the "us/them" dichotomy and the problematic level of the language code, which are essentially partial manifestations of this pattern.

Keywords: pattern, threat, national security, Vladimir Putin, Russian president

For citation: Savenkov, R.V., & Travyankina, A.K. (2024). The dynamics of the «threat to national security» pattern in the Russian Federation President Vladimir Putin's rhetoric in the context of public mood of Russians. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 436–447. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447>

Введение

Беспрецедентно высокий уровень одобрения деятельности Владимира Путина на посту Президента РФ представляет обширное поле для дискуссий среди отечественных экспертов. Политические психологи указывают на «парадоксы лидерства» и «пределы политологического знания» [Шестопап 2023: 181–182], потому что такая неестественная, с точки зрения принятых политико-социологических закономерностей, реакция российского общества не является классическим «сплочением вокруг флага» (rally around the flag). В такой затруднительной ситуации, когда миссия политологической науки не просто подразумевает, а требует «повышения качества и значения социально-политической экспертизы» [Гаман-Голутвина, Сморгунов 2023: 10], актуальными становятся поиск и переосмысление инструментов понимания властных отношений и роли политических лидеров в них. Одним из наиболее современных, соответствующих тренду социокультурного понимания политики, является подход коммуникативной теории власти, объясняющей процессы социального и символического конструирования реальности [Шомова 2016: 7].

Исследования политической коммуникации зафиксировали повторяющийся на протяжении многих лет в риторике Президента России Владимира Путина сюжет существования угрозы национальной безопасности, которой необходимо противостоять. Мы определяем этот сюжет как паттерн «угрозы национальной безопасности». В условиях политической и в том числе, геополитической турбулентности, «ситуации "идеального шторма"... когда интенсивность конфликтов, поля боя и сферы противоборств становятся неопределенными величинами» [Гаман-Голутвина, Сморгунов 2023: 9] его изучение становится эвристически ценным в контексте понимания не только коммуникативного образа Президента РФ, но и состояния российского политического сознания. Каково символическое наполнение паттерна, насколько он взаимосвязан с общественными настроениями россиян и что это значит

для отечественной политической системы? Вот вопросы, на которые пытается ответить данная работа.

Коммуникативный образ Владимира Путина принято считать наиболее изученным среди отечественных лингвистов и политологов, в числе которых О.В. Паршина, О.С. Иссерс, С.А. Шомова, М.И. Богачев, А.Н. Потсар, Е.Б. Шестопад, Т.И. Стекстова, А.А. Зимина и др., однако научная новизна этой работы состоит в том, что прежде риторика В. Путина не подвергалась анализу с позиции выделения в ней паттерна «угрозы национальной безопасности» и его политико-семиотического значения, взаимосвязи с трендами изменений общественных настроений россиян, несмотря на ряд работ, посвященных формированию образа врага, аффективной риторике, дихотомии «свой/чужие» и проблемному уровню языкового кода, которые по сути своей являются частными проявлениями этого паттерна. Научно новой также является попытка соотнести концептологический рисунок паттерна с особенностями политической культуры россиян.

Цель, методы, эмпирические материалы

Целью исследования является анализ содержания паттерна «угрозы национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина, определение его взаимосвязи с общественными настроениями россиян и роли в российской политической системе. Нами были выдвинуты четыре гипотезы:

1. Существование угрозы национальной безопасности — повторяющийся сюжет в дискурсе В. Путина на протяжении всех четырех сроков президентства.
2. Паттерн «угрозы национальной безопасности» претерпел изменения от угрозы внутреннего характера к преимущественно внешней.
3. Значимость паттерна «угроза национальной безопасности» в дискурсе с каждым годом повышается.
4. Для российских граждан устойчиво актуальна потребность в безопасности, что отражается в общественных настроениях.

Исследовательские инструменты коммуникативистики включают такую единицу вербальной коммуникации, как лингвистический паттерн, показывающий словесно выраженный образ мышления; когнитивную форму, хранящуюся в памяти [Борисов 2012: 87]; действенный набор заранее определенных элементов, что позволяет ряду исследователей трактовать этот языковой феномен как стереотип [Леонов 2011: 41–48]. В современной зарубежной литературе концепт «паттерна» имеет более прикладной характер и чаще используется при анализе онлайн-аудитории и инструментах взаимодействия с ней, в первую очередь — манипулятивного характера [Feezell 2018, Hammond 2017]. В таких трактовках делается акцент на эмоциональный компонент, с помощью которого оказывается воздействие на сознание реципиента путем закрепления в нем сложных устойчивых конструкций. Однако существуют и более широкие толкования: так, Д.Г. Фрилон раздвигает границы понимания паттерна до модели политической

коммуникации, обусловленной системными характеристиками, подразумевая, что конструирование политической информации способно оказывать влияние на расстановку сил между политиками, медиа и общественностью, а также определять степень вовлечения тех или иных акторов [Freelon 2010: 1–19]. Говоря о паттернах в политике, сегодня все большее количество экспертов акцентируют внимание на связи лингвистических паттернов и приемов риторического воздействия. При этом паттернизация подразумевает не только риторическую повторяемость в политической речи определенных сюжетов, но и их тесную связь с трансляцией аудитории оптимального смыслового кода и адекватного его понимания [Лисова 2009: 1320].

Воспринимающая политические сигналы аудитория обладает собственным представлением об обсуждаемом вопросе (ментальная модель) [Шевченко 2002: 22], поэтому текст политика необходимо рассматривать во взаимосвязи с ее настроениями, ибо его смысл формируется в сознании носителей языка [Dijk 1999: 353–371]. Общественные страхи остаются наиболее сильными эмоциями человека, а угрозы безопасности — наиболее частой темой, артикулируемой политиками [Williams Kaylene 2012].

В исследовании были применены следующие методы сбора и анализа эмпирических данных:

- риторический анализ (выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения);
- концептологический анализ (анализ языковых средств, объективизирующих концепт, основой которого выступает паттерн);
- корреляционный анализ (установление характера связи между переменными, используется при анализе опросов общественного мнения, соотношения их со склонностью поддерживать В. Путина).

Источниковая база включает результаты опросов общественного мнения Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и результаты исследований кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, а также 8 текстов Владимира Путина общим числом слов 38 837¹:

- 2000 — Послание Федеральному Собранию;
- 2004 — Речь на инаугурации;
- 2007 — «Мюнхенская речь»;
- 2012 — Письмо к избирателям «Россия сосредотачивается»;
- 2014 — Обращение к Федеральному Собранию («Крымская речь»);
- 2018 — Послание Федеральному Собранию;
- 2020 — Послание Федеральному Собранию («Конституционная речь»);
- 2022 — Речь о начале СВО.

Выборка текстов проведена на основании наличия в тексте/выступлении Президента РФ В. Путина наиболее полного представленного паттерна «угрозы

¹ Тексты взяты с официального сайта Кремля (URL: <http://www.kremlin.ru/>) и Российской газеты. URL: <https://rg.ru/rf> (дата обращения: 27.10.2023).

национальной безопасности», а также с соблюдением хронологического шага между текстами в среднем в 3 года, чтобы получить возможность провести исследование в динамике. Программное обеспечение: QDA Miner 5.0.35 для проведения качественных исследований, MS Excel 2016 — для количественных.

Результаты

В ходе исследования были проведены кодирование и анализ текстов в соответствии с разработанной ментальной картой: исследуемые тексты вручную кодируются заранее определенным набором тегов (группы «источники угроз», «последствия угроз», «средства устранения» и др.), а программа (QDA Miner) подсчитывает частоту появления того или иного кода в тексте относительно других кодов. На основе получаемого процентного соотношения собираются «облака слов»: чем больше удельный вес кода в речи, т.е. частота появления, тем большего размера использован шрифт². Доминируют следующие блоки: «Источники угроз», «Безопасность», «Угроза безопасности», «Действия по созданию угроз».

С точки зрения содержания становится ясно, что угрозы, вызовы и меры противодействия — базовые проблемы сообщений В. Путина. Безопасность трактуется им как производная от важнейших, в его понимании, ценностей: прослеживаются нелинейные лексические связи, «*безопасность*» = «*порядок*» = «*стабильность*» = «*сила*» = «*держава*» и «*безопасный*» = «*целостный*» = «*сплоченный*» = «*единый*». Причем сопоставление контекстов употребления категории *единство* в прошлом и настоящем позволяет представить цепочку семантических изменений: «*единство страны*», включенное в ментальную схему «государство — право — территория» (на первых двух президентских сроках), и «*единство общества*», связанное с духовностью и культурой, «*цивилизационный код*» (2012 г.). Так, «*территориальное единство*» трансформируется в *единство «национальное»*, а в прежде экономико-правовом дискурсе встречается все больше слов-маячков из сферы культуры: «*сплав традиций и ценностей*», «*патриотический настрой*», «*семья*», «*воспитание*», «*правда*», «*общенациональное единение*». Аксиологические категории использовались и раньше, но с меньшей частотностью, не в качестве аргументационной базы. В текстах появляется аффективная риторика: «*мы*», Россия — не только территориальное или культурное, но и эмоциональное пространство (причем Россия предстает как персонифицированный субъект, способный чувствовать и переживать предательство, словно живой человек) и «*они*», «*шулеры*» и «*вруны*», те, кто представляет угрозу.

«...Когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, тогда уже Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили <...> Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду». (Крымская речь 2014).

² Так как это качественный анализ, удельный вес группы просчитывается относительно представленности других, а не в абсолютном выражении.

«...**В ответ на наши предложения мы постоянно сталкивались либо с циничным обманом и враньем, либо с попытками давления и шантажа...**» (Обращение 24 февраля 2022).

Сама угроза лексически наиболее часто оказывается вместе с подобными категориями: «*угроза распада*», «*угроза суверенитету*», «*угроза целостности*». Угрозы, как правило, характеризуются как «*фундаментальные*», «*военные*», «*серьезные*», «*новые*». Тактически оформляются через безличное обвинение.

«...*Мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы...*» (Мюнхенская речь 2007), «...*пережила настоящий шок распада и деградации...*» (Письмо к избирателям 2012), «*Теперь все уровни власти поражены этой болезнью*» (Послание Федеральному Собранию 2000), «...*паралич власти, воли — это первый шаг к полной деградации...*» (Обращение 24 февраля 2022).

Несмотря на то, что наиболее проработанным блоком в риторике являются «Источники угроз», они не всегда определяются конкретно — автор сохраняет общепринятый этикет, осознавая дестабилизирующие последствия прямых вербальных обвинений. Сформулированные «источники угроз» включают персоны (Хрущев, оппозиционеры), государства и территории (США, Украина, Чечня, Кавказ), а также организации (НАТО). Однако такие источники угроз, хотя и представляют важную семантическую часть, не имеют в изученных текстах количественного большинства. Основной объем «Источников» — неустановленный круг лиц и события, действия, объекты с неопределенной или широкой трактовкой: «*часть элит*», «*те (кому выгоден беспорядок)*», «*финансовые группы*», «*деструктивные силы*», «*90-е*», «*псевдоценности*», «*нацизм*», «*свобода без нравственной основы*» и др. Заметим, что источники имеют и внутренний, и внешний характер.

Образы угроз усиливаются с помощью использования лексических средств с отрицательным значением, в частности дисфемизмов «*нас кинули*», «*подпевать по любому поводу*», «*междусобойчик*» и аккумуляций:

«*Все, что не устраивает гегемона, ... объявляется архаичным, устаревшим, ненужным. И наоборот: все, что кажется им выгодным, преподносится как истина в последней инстанции, продавливается любой ценой, хамски, всеми средствами*» [Обращение 24 февраля 2022].

Наиболее часто инвективы используются Президентом РФ по отношению не к внутренним «Источникам угроз» («*олигархи*» или «*популистские оппозиционные группы*»), а к внешним и также к исходящим от них «Действиям»: «*расширение НАТО на восток*», «*наращивание вооружения*», «*пренебрежение международным правом*» и др. Внешние угрозы у В.В. Путина обычно «*несправедливые*», «*подлые*», появившиеся в результате «*нарушения договоренностей*». Ключевые «Действия по их предотвращению/устранению» — «*протест*» со стороны Российского государства и попытки отыскать новые «*точки соприкосновения*», а в случае провала этих мер — повышение уровня «*оборонспособности*» страны:

«А что же сделали мы, кроме протестов и предупреждений? Чем ответила на этот вызов Россия? <...> мы напряженно работали над перспективной техникой и вооружением. Это позволило нам сделать стремительный, большой шаг в создании новых образцов стратегического оружия» (Послание Федеральному Собранию 2018).

На контрасте внутренние источники и их действия чаще появляются в речи с определениями умаления: «неразумный» (налогообложение), «ограниченный» (круг проблем, поднимаемый оппозицией), «нечистоплотный» (коррупцированные чиновники), «неразвитый» (гражданское общество) и «слабый» или «не умеющий» чего-то делать (власть в 90-е гг.). Так, появляется слабый, несамостоятельный и неумелый образ внутренних политических игроков и управленцев, которые нуждаются в том, чтобы их направляли и контролировали, иначе сама их неумелость превращается в источник опасности для страны и общества. Часто для закрепления такого имплицитного посыла в риторике В.В. Путина появляется тактика апелляции к прошлому опыту — непосредственно к 1990-м, которым всегда сопутствуют речевые коннотации: «потери», «хуже», «бедность», «деградация».

С годами происходит постепенный перенос пространственного поля опасного из преимущественно внутренней среды в преимущественно внешнюю. Проследим нелинейный трансформационный ряд в показательном блоке «Действия по созданию угроз» за двадцать лет: «борьба между уровнями власти» → «стремление части элит к рывку» → «управляемые «цветные революции» → «применение силы против суверенных государств» → «навязывание (Западом) своей воли» → «захват власти». Видно, как возникают новые синонимические связи, отражающие изменения семантики слов и как первоначально угрозы внутреннего характера в 2012–2014 гг. превращаются в опасности извне. Аналогичным образом изменения затронули, например, группу «Средств создания угроз»: «высокие налоги», «произвол чиновников» и «разгул коррупции» в течение времени заменяются на «оружие массового уничтожения» и «политику сдерживания России».

Таким образом, на протяжении всех президентских сроков общий нарратив В. Путина связан с угрозами российскому обществу, российской цивилизации. Понимание Президентом «национальной безопасности» год от года расширялось, получив правовое закрепление в Стратегии национальной безопасности 2021 г.³ При объективации угроз безопасности В.В. Путин передает свои чувства и обращается к чувствам слушателей, что определяет его риторiku как аффективную.

С самого первого избрания президентом Владимир Путин уловил доминирующие общественные настроения: по мере роста экономических проблем, кульминацией которых стал дефолт 1998 г., «образ Ельцина регрессировал от народного героя к нелепому “дирижеру оркестра”» [Цуладзе 2003: 33]. Делегитимизация власти образовала в российском политическом пространстве

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.01.2024).

«вакуум», который заполнила персонифицированная концепция Героя (Владимира Путина), сражающегося с Хаосом (последствиями правления Бориса Ельцина) [Мочалова 2012: 126–129]. Этот образ, который в неприкосновенности просуществует два первых президентских срока В. Путина, можно рассматривать в качестве осевого культурного продукта новообразованной коммуникационной сети российской политической системы.

Состояние российского общества нельзя определить как консенсус, поскольку единой системы ценностей, разделяемой всеми гражданами и политической элитой, не сложилось [Селезнева 2016: 162]. В. Путину удалось стать объединителем доминантных ценностей и страхов сразу нескольких социальных групп. Эксперты ВЦИОМ назвали такую парадоксальную комбинацию «путинской метаидеологией» [От Ельцина до Путина 2007].

С точки зрения коммуникационной теории власти обладатели власти сами являются сетями, причем выступают они либо в роли «программиста», наполняя сеть смысловыми кодами, либо в роли «переключателя», контролирующего точки соединения между различными политическими и медиасетями. В таком ключе субъект власти характеризуется как обладатель сетесозидающей власти [Кастельс 2016: 62–63], а главной характеристикой сети является ее способность к интеграции [Латур 2017: 187]. По наблюдениям Е.Б. Шестопаля, именно вокруг Владимира Путина происходит не только консолидация российского общества, но и «закрепление того ценностного фундамента, который никак не складывался в предыдущие постсоветские годы» [Шестопаля 2015: 417].

На основе массовых социологических опросов определены доминирующие ценности россиян и ожидания от государства на протяжении первых двадцати лет XXI в.: сильное государство с сильным лидером, статус великой державы, расширение ряда гражданских прав и свобод, сохранение государственного/иногосударственного контроля над нормами общественной нравственности, государственной системы соцобеспечения, образования и здравоохранения при условии роста их эффективности и т.п. (см. [Григорьева 2013: 18]), при этом «сущность практически всех политических ценностей раскрывается для граждан через категорию «безопасность» и «законность» [Селезнева 2016: 163]. По данным ВЦИОМ, тройку ценностей россиян, в 2020 г. уверенно возглавляли здоровье (89 %), семья (84 %) и безопасность (83 %)⁴.

Заключение

Спецификой медиапорядка современной России является объединение не только широких общественных масс, но и элитных групп вокруг В.В. Путина. Президент В. Путин рассматривается как акторно-сетевая

⁴ Ценности современного российского общества. Презентация В.В. Федорова июль 2022 г // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 20.07.2022. [Электронный ресурс], URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii__skogo_obshchestva_Fedorov.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

персона, чей политический дискурс является наиболее доступным источником вычленения ценностных кодов, способных консолидировать российское общество, находящееся до 2022 г. в состоянии аномии, ценностного рассогласования между разными уровнями существующих политических ценностей. Практически все выдвинутые гипотезы подтвердились. Присутствие паттерна «угрозы национальной безопасности» в том или ином виде зафиксировано в течение всего исследуемого периода — периода исполнения В. Путиным полномочий Президента РФ. Артикуляция угроз национальной безопасности является наиболее разработанной, образно наполненной, передается с помощью широкого набора речевых тактик. Паттерн «угрозы национальной безопасности» претерпел изменения от угрозы внутреннего характера к преимущественно внешней: место «финансовых групп», «цензуры», «борьбы между уровнями власти», «Чечни», «амбиций элиты» заняли «управляемые «цветные революции», «расширение блока НАТО», «русофобия» и «коллективный Запад», противостояние с которыми требует от российского народа максимального единения и сплочения. Значимость угрозы в дискурсе с каждым годом повышается.

Мотив экзистенциальной угрозы существованию периодически проявлялся в проанализированных текстах разных лет: прежде такая угроза касалась исключительно естественного вымирания населения из-за «негативных демографических тенденций», впоследствии же она дополнилась образами развязанных в угоду западным интересам войн, в которых гибнут люди и разрушаются страны. Так получается семантический ряд, окончательно оформившийся еще до начала СВО и беспрецедентного давления на Россию со стороны западного международного сообщества: «борьба между уровнями власти» → «стремление части элит к рывку» → «управляемые «цветные революции» → «применение силы против суверенных государств» → «навязывание (Западом) своей воли» → «захват власти». Сформулированный семантический ряд угроз в риторике В. Путина представляет вычленение переживаемых российским обществом угроз в первые двадцать лет XXI в. Результаты социологических опросов подтвердили, что для российских граждан устойчиво актуальна потребность в безопасности.

Поступила в редакцию / Received: 20.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 16.01.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Борисов О.С. Когнитивные процессы в социокультурном измерении // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 3 (124). С. 83–89.
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунюв Л.В. Политическое в пространстве турбулентного мира // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 7–10. <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.02>

- Григорьева Е.Б. Влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации институтов государственной власти в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 13–26.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016.
- Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.
- Леонов И.В. Эволюция термина «паттерн» в культурологическом знании: от понятия к научной категории // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 20. С. 41–48.
- Лисова С.Ю. Политическая риторика: лингвистические паттерны // Право и политика. 2009. № 6. С. 1318–1323.
- Мочалова К.П. Мифотворчество в политическом процессе современной России // Акмеология. 2012. № 2. С. 126–129.
- От Ельцина до Путина: Три эпохи в историческом сознании россиян. М. ВЦИОМ, 2007.
- Селезнева А.В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 149–169.
- Цуладзе А.М. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003.
- Шевченко Ю.А. Дискурс-анализ политических медиатекстов // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 18–23.
- Шестопал Е.Б. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: монография. М.: Аргатак-медиа, 2015.
- Шестопал Е.Б. Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 181–191. <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта: очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2016.
- Dijk T.A. van. Discourse Analysis of News // A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research, ed by K.B. Jensen. Vol. 5. London, 1999. P. 353–371.
- Feezell J.T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // Political Research Quarterly. 2018. Vol. 71, no. 2. P. 482–494. <http://doi.org/10.1177/1065912917744895>
- Freelon D.G. Analyzing Online Political Discussion Using Three Models of Democratic Communication // New Media & Society, 2010. Vol. 20, no. 10. P. 1–19. <http://doi.org/10.1177/1461444809357927>
- Hammond M. What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences // International Journal of Web Based Communities. 2017. Vol. 13, no 1. P. 118–136. <http://doi.org/10.1504/IJWBC.2017.082717>
- Kerr M. *Scream: Chilling Adventures in the Science of Fear*. PublicAffairs, 2015.
- Williams Kaylene C. *Fear Appeal Theory*. California State University, Stanislaus. 2012.

References

- Borisov, O.S. (2012). Cognitive processes in sociocultural dimension. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 3(124), 83–89. (In Russian).
- Castells, M. (2016). *Communication Power*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russian). [Castells, M. (2009). *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press].
- Dijk, T.A. van. (1999). Discourse Analysis of News. In Jensen K.B. (Ed.), *A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research*, 5, 353–371.
- Feezell, J.T. (2018). Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era. *Political Research Quarterly*, 71(2), 482–494.

- Freelon, D.G. (2010). Analyzing online political discussion using three models of democratic communication. *New Media & Society*, 20(10), 1–19. <http://doi.org/10.1177/1461444809357927>
- From, Yeltsin to Putin: Three eras in the historical consciousness of Russians. (2007). Moscow: WCIOM. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V., & Smorgunov, L.V. (2023). The political in a turbulent world space. *Polis. Political Studies*, 1, 7–10. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.02>
- Grigoryeva, E.B. (2013). The influence of the authoritarian syndrome on the process of legitimation of government institutions in today's Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 3, 13–26. (In Russian).
- Hammond, M. (2017). What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences. *International Journal of Web Based Communities*, 13(1), 118–136. <http://doi.org/10.1504/IJWBC.2017.082717>
- Kerr, M. (2015). *Scream: Chilling Adventures in the Science of Fear*. PublicAffairs.
- Latour, B. (2017). On actor-network theory. A few clarifications, plus more than a few complications. *Logos*, 173–200. (In Russian). [Latour, B. (1996). On actor-network theory. A few clarifications. *Soziale Welt*, 47(4), 369–381].
- Leonov, I.V. (2011). Evolution of the term “pattern” in cultural knowledge: From concept to scientific category. *Current Issues of Modern Science*, 20, 41–48. (In Russian).
- Lisova, S.Y. (2009). Political Rhetoric: linguistic patterns. *Law and Politics*, 6, 1318–1323. (In Russian).
- Mochalova, K.P. (2012). Myth-making in the political process of modern Russia. *Acmeology*, 2, 126–129. (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2016). Russian society in the post-Soviet period: Dynamics of value changes of the elite and citizens. *Political science (RU)*, Special issue, 149–169. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2015). *Putin 3.0: Society and power in the modern history of Russia*. Monograph. Moscow: Argamak-media (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2023). Paradoxes of political leadership. *Polis. Political Studies*, 3, 181–191. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Shevchenko, Y.A. (2002). Discourse analysis of political media texts. *Polis. Political Studies*, 6, 18–23. (In Russian).
- Shomova, S.A. (2016). *From mystery to street art. Essays on cultural archetypes in political communication*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Tsuladze, A.M. (2003). *Political mythology*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Williams, K.C. (2012). *Fear Appeal Theory*. California State University, Stanislaus.

Сведения об авторах:

Савенков Роман Васильевич — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории, Воронежский государственный университет инженерных технологий, доцент кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет (e-mail: rvsav@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1643-2444)

Травянкина Анна Константиновна — магистрант политологии, Воронежский государственный университет (e-mail: travyankina_anna@mail.ru) (ORCID: 0009-0002-8757-8659)

About the authors:

Roman V. Savenkov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and History, Voronezh State University of Engineering Technologies, Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (e-mail: rvsav@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1643-2444)

Anna K. Travyankina — Postgraduate Student of History Department, Voronezh State University (e-mail: travyankina_anna@mail.ru) (ORCID: 0009-0002-8757-8659)